

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 93 (3438)

Суббота, 6 августа 1955 г.

Цена 40 коп.

ЖИТЬ В ДРУЖБЕ!

Так рождается взаимопонимание

Пусть падут все преграды!

За расширение культурного обмена

Добрые вестки из Женевского Дворца наций заставили меня в столице Карело-Финской ССР...

Деятели советской культуры, как и вся советская общественность, с чувством удовлетворения прочли согласованные указания Глав правительств четырех держав...

С большим удовлетворением можно отметить, что нормализация отношений с Югославией уже привела к восстановлению традиционных связей братских народов Югославии и Советского Союза.

С высоты нового здания далеко виднеется водная гладь Онеги и бесконечные леса — «зеленое золото» республики.

Это неоднократно признавалось зарубежной печатью. Английский журнал «Музыка и музыканты» писал, например, что от отсутствия связей в области искусства в Советском Союзе...

Встречи советских и американских шахматистов, теплый прием, оказанный как находящейся сейчас в США советской сельско-хозяйственной делегации, так и американской сельско-хозяйственной делегации в СССР...

Мы стремимся к встречам с писателями разных стран, нам хотелось бы видеть лучших авторов всех театров, и мы хотим, чтобы как можно больше людей в мире читали наши книги...

Авторы этих строк, будучи за границей, пришлось неоднократно убеждаться, что в результате искусственной изоляции от советской культуры многие талантливые люди за рубежом останавливаются в познании, например, литературы нашего народа...

Постепенно намечается сдвиг в сторону устранения того ненормального положения, когда советские люди и немцы с Западной Германии не имели возможности встречаться и обмениваться своими духовными богатствами.

Невозможно позволить, чтобы война обрала в чужду целла ценности, подобные бессмертной картине Рафаэля, мимо которой теперь с таким благоговением проходят в Москве тысячи людей, стараясь навсегда запомнить образ матери с младенцем на руках.

Люди, для которых культура десятков наций и народов Советского Союза скрыта за непрозрачной пеленой дезинформации и антисоветской пропаганды...

Многочисленные факты неопровержимо показывают, что при наличии доброй воли и устранения барьеров найдется много творческих соприкосновений между советским народом и народами всех других стран...

Всклес слова о дружбе, прозвучавшие в Женеве, возродили доверие и великую надежду. Хотелось думать, что «холодная война» исчерпала себя и человечество будет теперь дышать более чистым воздухом.

Что касается нашей страны, то строя и развивая нашу новую культуру, мы постоянно обогащаем ее духовными достижениями народов других стран.

Культура демократическая, гуманистическая всегда близка и дорога разуму и сердцу советского человека. Образцы такой культуры дали человечеству Данте, Сервантес, Вальсгал, Шекспир, Уитмен, Гете, Тагор, Лу Синь, Толстой.

Лично я хорошо представляю, какая большая и долгая дружба может возникнуть между советским и американским народами, когда падут искусственные преграды, сооруженные противниками общения с Советской страной.

За последние годы все шире развивается обмен артистическими коллективами и отдельными исполнителями. С большим успехом прошли в СССР гастроли театра «Комеди Франсез», певцов и музыкантов из Англии и стран Латинской Америки.

Женевское совещание внесло новую, обаятельную атмосферу в международные отношения. Мы считаем, что уже сейчас, даже до октябряского совещания министров иностранных дел, мастера культуры различных стран должны активизировать свои усилия для расширения международного сотрудничества в области культуры.

Немаю хороших людей знал я среди простых американцев. Они ценят гостеприимство и дружбу, деловиты и жизнерадостны.

Выступая на третьей сессии Верховного Совета СССР, товарищи Булганин и Геллерштейн и Советским Союзом уже просят рассмотреть вопрос расширения культурного сотрудничества.

Мы выступаем за широкие контакты, за взаимно полезный обмен достижениями науки и искусства. Не называя друг друга своих философских концепций, не вмешиваясь во внутренние дела друг друга, на базе равенства, взаимного уважения и выгоды, культуры Советского Союза и других стран могут взаимно обогатиться и дополнять друг друга.

Вчера на утреннем и вечернем заседаниях сессии обдумывал доклад товарища Н. А. Булганина.

В. ЯКОВЛЕВ, заместитель председателя Правления ВОКС

Один за другим поднимались на трибуну депутаты. Среди них представитель союзных республик, известные всей стране общественные деятели, ученые и писатели.

История культуры знает поучительные примеры взаимного культурного обогащения народов. Позволю себе сослаться на всем известную взаимосвязь русской и французской литературы.

В результате затрудняется изучение иностранной научной литературы. Например, одну из составляющих структуру стали американские металлурги назвали бейнитоном в честь ученого Эдгара Бейна.

В ряде передач дискутировался вопрос о трудностях, с которыми столкнулся в октябре министр иностранных дел четырех держав. По общему тону определяла почти единодушная констатация миролюбивой и доброжелательной позиции Советского правительства.

Великий, Чернышевский, Салтыков-Щедрин высоко ценили, например, творчество Жорж Санд.

С каждым днем иностранные научные журналы уделяют все больше внимания статьям из советской научной периодики. Приятно сознавать, что работы наших ученых читаются, притом весьма внимательно, в других странах.

Как было бы хорошо, если бы Советский Союз посетил замечательная певица Мариан Андерсон.

Наш долг — духовно обогащать друг друга, обмениваться опытом и знаниями, действовать единомысленно в борьбе за мир.

Н. ГУДИКОВ, академик

Этим летом я познакомился с профессором университета штата Пенсильвания Уильямом Эдгертоном. Меня всерьез образовала цель, которая привела профессора в Москву. Он изучает творчество такого самобытного и неповторимого писателя, как Николай Лесков.

Пусть падут все преграды, мешающие общению народов Востока и Запада!

С. ЯКОВЛЕВ, заместитель председателя Правления ВОКС

бы человечество могло спокойно жить и трудиться на благо и счастье грядущих поколений.

Снова и снова выплывали аплодисменты, когда товарищ Булганин, подводя итоги Женевского совещания, заложившего хорошую основу для возобновления сотрудничества между четырьмя великими державами...

Для нас, писателей, слова Н. А. Булганина о том, что «Советский Союз был и является сторонником широкого международного сотрудничества, всестороннего развития экономических, научных и культурных связей между государствами», имеют особое значение.

Наш народ, который на протяжении веков сделал такие бесценные вклады в сокровищницу мировой культуры, хочет жить в тесном культурном общении со всеми народами мира.

Мы стремимся к встречам с писателями разных стран, нам хотелось бы видеть лучших авторов всех театров, и мы хотим, чтобы как можно больше людей в мире читали наши книги...

Шелестят блокноты. Корреспонденты готовы, — под рукой карандаш и авторучка. Проходя мимо автомашин с иностранными флагами, я вижу в некоторых кабинетах раскрытые портативные машинки.

Видимо, корреспонденты не хотят терять ни минуты. Из зала заседаний — в автомобили, и пока машина домчится до телефона, первые экстренные сообщения об открытии сессии будут уже готовы.

Я призываю эти маленькие подробности, чтобы хоть как-то передать то ощущение важности и, я бы сказал, чрезвычайности события, каким является нынешняя сессия.

Успели советского народа, нашего правительства превратить навязанную человечеству «холодную войну», установить полнотное доверие между государствами...

Тепло встретили участники сессии и гости товарища Н. А. Булганина, выступившего с заключительным словом. Единственно принимает сессия внесенный депутатом М. А. Суловым проект постановления Верховного Совета СССР...

«Верховный Совет СССР отмечает, — говорится в постановлении, — что Советская Правительственная Делегация на Женевском совещании последовательно проводила ленинскую миролюбивую внешнюю политику Советского государства, отвечающую жизненным интересам советского народа...

Постановление Верховного Совета СССР подчеркивает: «...Советский Союз проводит и будет проводить в будущем политику мира, международного сотрудничества, ослабления международной напряженности, будет добиваться установления доверия между государствами в интересах мирного решения важнейших международных проблем путем переговоров...

Сессия закончила свою работу. Она показала, что советский народ, проникнувшись горячим и искренним стремлением жить в мире и дружбе со всеми народами, единодушно поддерживает мирную внешнюю политику своего правительства...

Александр ЧАКОВСКИЙ

Долгими аплодисментами отвечал зал товарищу Булганину, когда он говорил, что сотни миллионов людей властно требуют освободить народы от страха войны, создать необходимые условия для того, чтобы человечество могло спокойно жить и трудиться на благо и счастье грядущих поколений.

В Николаевской области в этом году засеено кукурузой свыше 300 тысяч гектаров — в два с лишним раза больше, чем в прошлом году. Колхозы области обязались вырастить не менее чем по 25 центнеров кукурузы-зерна с гектара.

В стадио молочно-восковой зрелости наступила кукуруза уже в ряде районов Херсонской, Запорожской, Днепродзержинской, Крымской и других областей.

В эту же тему разговора меняется. Какие замечательные перемены произошли за эти годы в эдащей степи, сколько новой мощной техники получили они, те самые трактористы, которых когда-то вослед известному фильму! Вот оно — самое носившее освещение: приплетены и самоходные комбайны, тракторы новых конструкций...

В четверг, в 3 часа дня, Николай Александрович Булганин поднялся на трибуну Большого Кремлевского Дворца — самую высокую трибуну нашей страны, чтобы доложить депутатам Верховного Совета СССР об итогах Женевского совещания...

Мне, как и тысячам моих соотечественников, приходилось не раз бывать в качестве гостя в Кремле на сессиях Верховного Совета. Всем, кто бывал в Кремле, знакомо то особое чувство, с каким входяешь под своды Спасских ворот. Его создает величавое спокойствие, которое, кажется, дышит каждый кремлевский камень...

В эти дни в Кремле все выглядело очень знакомым и в то же время несколько необычным. Ощущение живности, праздника, праздника подкупающая тебя, когда видишь сотни москвичей, осматривающих кремлевские достопримечательности...

Один из внутренних кремлевских дворов заполнен посольскими автомашинами. Представители дипломатического корпуса, как правило, присутствуют на заседаниях Верховного Совета, но сейчас, кажется, съехало весь дипломатический корпус.

2 часа 30 минут. В огромном зале Большого Кремлевского Дворца собрались депутаты и гости — трудящиеся Москвы. Присутствуют десятки иностранных гостей, корреспонденты газет из многих стран.

Шелестят блокноты. Корреспонденты готовы, — под рукой карандаш и авторучка. Проходя мимо автомашин с иностранными флагами, я вижу в некоторых кабинетах раскрытые портативные машинки.

Видимо, корреспонденты не хотят терять ни минуты. Из зала заседаний — в автомобили, и пока машина домчится до телефона, первые экстренные сообщения об открытии сессии будут уже готовы.

Я призываю эти маленькие подробности, чтобы хоть как-то передать то ощущение важности и, я бы сказал, чрезвычайности события, каким является нынешняя сессия.

Успели советского народа, нашего правительства превратить навязанную человечеству «холодную войну», установить полнотное доверие между государствами...

Тепло встретили участники сессии и гости товарища Н. А. Булганина, выступившего с заключительным словом. Единственно принимает сессия внесенный депутатом М. А. Суловым проект постановления Верховного Совета СССР...

«Верховный Совет СССР отмечает, — говорится в постановлении, — что Советская Правительственная Делегация на Женевском совещании последовательно проводила ленинскую миролюбивую внешнюю политику Советского государства, отвечающую жизненным интересам советского народа...

Постановление Верховного Совета СССР подчеркивает: «...Советский Союз проводит и будет проводить в будущем политику мира, международного сотрудничества, ослабления международной напряженности, будет добиваться установления доверия между государствами в интересах мирного решения важнейших международных проблем путем переговоров...

Сессия закончила свою работу. Она показала, что советский народ, проникнувшись горячим и искренним стремлением жить в мире и дружбе со всеми народами, единодушно поддерживает мирную внешнюю политику своего правительства...

Долгими аплодисментами отвечал зал товарищу Булганину, когда он говорил, что сотни миллионов людей властно требуют освободить народы от страха войны, создать необходимые условия для того, чтобы человечество могло спокойно жить и трудиться на благо и счастье грядущих поколений.

В Николаевской области в этом году засеено кукурузой свыше 300 тысяч гектаров — в два с лишним раза больше, чем в прошлом году. Колхозы области обязались вырастить не менее чем по 25 центнеров кукурузы-зерна с гектара.

В стадио молочно-восковой зрелости наступила кукуруза уже в ряде районов Херсонской, Запорожской, Днепродзержинской, Крымской и других областей.

В эту же тему разговора меняется. Какие замечательные перемены произошли за эти годы в эдащей степи, сколько новой мощной техники получили они, те самые трактористы, которых когда-то вослед известному фильму! Вот оно — самое носившее освещение: приплетены и самоходные комбайны, тракторы новых конструкций...

Выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом об итогах Женевского совещания, Глава правительства четырех держав, товарищ Булганин заявил: «Мы считаем весьма полезным обмен делегациями между странами и взаимные поездки деятелей промышленности, сельского хозяйства, торговли, науки, культуры, искусства, общественных деятелей».

Как известно, Главы правительств поручили министрам иностранных дел изучить меры, которые могли бы привести к осуществлению «свободных контактов и связей, взаимно выгодных для заинтересованных стран и народов».

Что вы думаете о перспективах культурного обмена с западницей, открывшихся в результате Женевского совещания? С таким вопросом мы обратились к ряду деятелей советской культуры и науки. Ниже мы помещаем их ответы.

Общение наук

Я думаю, что не найдется в мире ни одного честного человека, который бы искренне не радовался результатам Женевского совещания. Как будет хорошо, когда из употребления окончательно выйдет этот гнетущий термин «холодная война», а на его место станет понятие «прочный мир» с сопутствующим ему широким торговым, культурным, научным, спортивным обменом между народами.

Мне, как советскому ученому, особенно хотелось бы подчеркнуть желательность расширения международных научных связей.

В 1929 году мне довелось посетить США в составе группы советских специалистов. Тогда еще наша страна делала первые шаги в области индустриализации. Мы попросили у главы крупной американской фирмы по производству сельскохозяйственных машин в Чикаго Макморрика разрешения ознакомиться с оборудованием и методами обработки на заводах его фирмы. Он охотно пошел нам навстречу, дав возможность осмотреть предприятие, организовав для нас беседы с ведущими инженерами и нечто вроде производственных совещаний с мастерами и техниками.

За последующие годы наша отечественная индустрия добилась огромных успехов. Я убежден, что ныне многие зарубежные специалисты найдут у нас немало поучительного и ценного для себя.

О многом можно было бы поговорить с учеными разных стран. Так, для советских металлургов было бы полезно ознакомиться с работами, проводимыми в Соединенных Штатах, Англии, Франции по обработке металлов электричеством и, в частности, токами высокой частоты. С другой стороны, мне кажется, что наши достижения представляли бы значительный интерес для иностранных специалистов. Например, на Московском автомобильном заводе имени Сталина в настоящее время применяются ток высокой частоты для закалки шестерен и других деталей.

Другой важный вопрос, который стоило бы сообща проанализировать ученым-металловедам, — это испытание материалов без разрезки, с помощью колебаний ультразвуковой частоты, что позволяет перейти к стопроцентной проверке изготовленной детали по всему объему. У нас в этой области произведен подлинный технический переворот.

Отсутствие тесных взаимоотношений между учеными различных стран, безусловно, отрицательно сказывается на развитии той или иной отрасли науки.

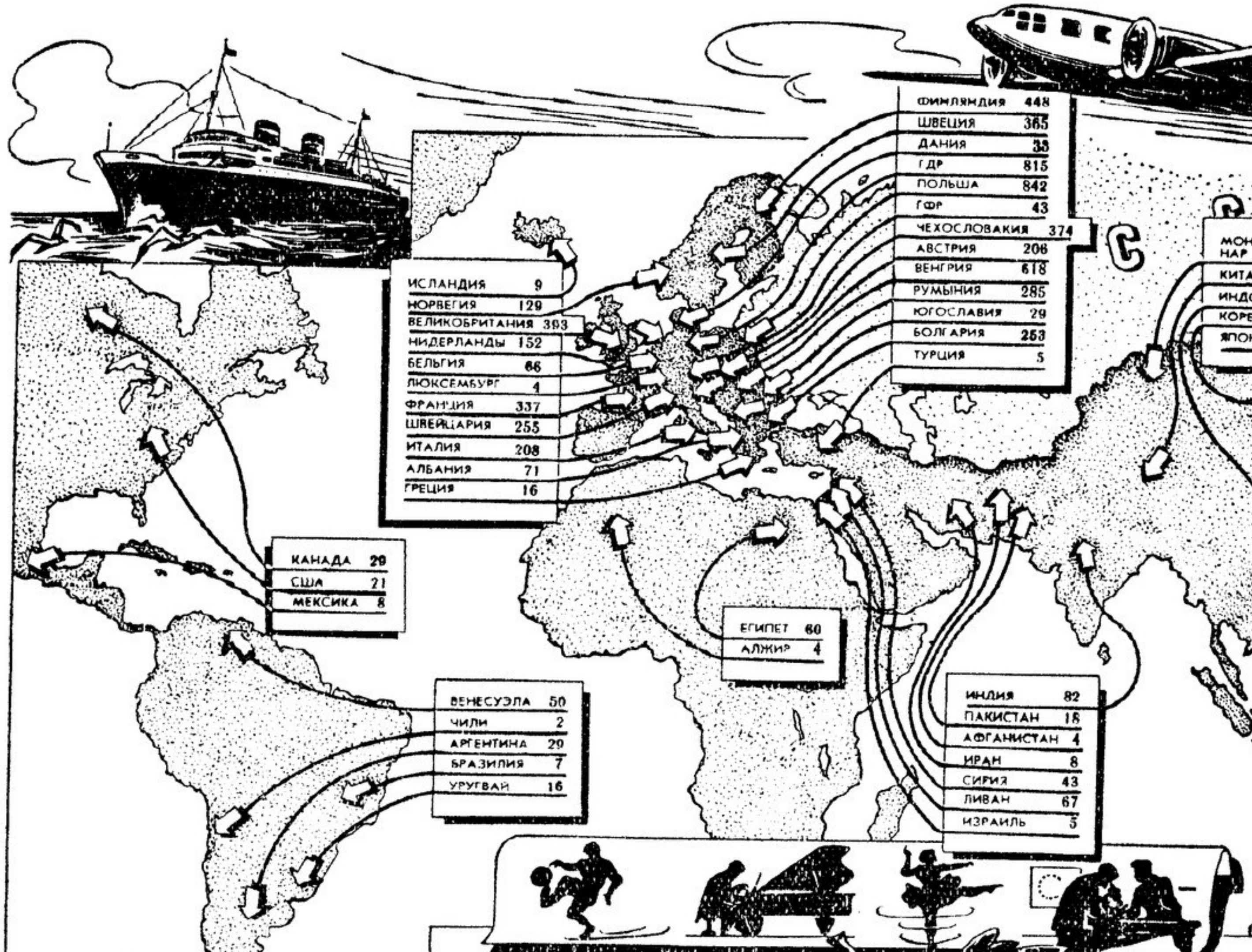
Много лет назад собирались специальные международные конгрессы по прикладной и общей химии, испытанию материалов. На них ученые не только обменивались своим опытом и достижениями, но и устанавливали единую, обязательную для всех международную терминологию. Но такие конгрессы уже давно не проводятся. В результате затрудняется изучение иностранной научной литературы. Например, одну из составляющих структуру стали американские металлурги назвали бейнитоном в честь ученого Эдгара Бейна.

Но это название применяется только в Америке, а у нас и в других европейских странах этот термин не нашел себе применения. В металлургии, да, очевидно, и в других отраслях науки, явно назрела необходимость созыва международных конференций.

С каждым днем иностранные научные журналы уделяют все больше внимания статьям из советской научной периодики. Приятно сознавать, что работы наших ученых читаются, притом весьма внимательно, в других странах.

В этой связи мне бы хотелось высказать одно желание. Достижения нашей науки, в которых испытывают живой интерес за рубежом, обязывают советскую полиграфическую промышленность проявить больше заботы о внешнем оформлении наших журналов — улучшить качество бумаги, пластичность, внешний вид обложек и т. д.

Помою, это в наших силах. Советская научная и техническая литература заслуживает большего внимания со стороны наших коллег.

На этой схематической карте показано, в каких зарубежных странах побывали в 1954 году советские культурные и общественные делегации, художественные и спортивные коллективы. Цифрами обозначено общее число лиц, посетивших данную страну в составе различных советских делегаций.

Сергей КОНЕНКОВ, скульптор

У НАС, НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...

«Этот богатейший край, но в нем еще мало людей, а его надо осваивать».

Н. С. ХРУЩЕВ

— Да что вы, смеетесь? Переименовать такое будущее... я работаю в прекрасной лаборатории...

Шторм к утру утих, но море еще было усеею ключами равной, встревоженной пены...

— Хороший денек будет! — И, бросив взгляд на часы, добавил: — Скоро домой придем.

...Катер обогнул песчаный мысок, и, точно по волшебству, перед нами возник город. Ветер окончательно разогнал тучи...

Странное дело, — задумчиво произнес он. — Сколько бы ни возвращался во Владивосток, каждый раз будто вновь открываю его для себя.

Пусть не будет счтено это за поэтическое преувеличение, но, право же, есть в облике Владивостока какая-то особая притягательная сила.

«Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский!», — нахнешский город... Рожденный мужеством самоотверженных русских мореходов...

И вот во Владивостоке, никогда нельзя сказать наверняка, что вот все или почти все его население находится: я, наконец, очень преувеличил, если сказать, что доброй трети его жителей, как правило, нет дома.

Впрочем, не только мореходством и морскими промыслами живет советское Приморье.

превосходно оснащенным предприятием... завод. Механизированный Ворошиловский масложиркомбинат имени Миклоша...

Приморье — это еще и край богатых долин. Где-то у самого горизонта они окаймлены цепочками сопков.

— В Приморском крае неисчерпаемые возможности для развития сельского хозяйства...

Щедрая приморская земля сторицей оплачивает труд хлеборобов, и столько ее здесь, эти места даже еще совсем нетронутой, изобильной земли...

Растет достаток наших людей, растут и их культурные потребности. Ни одно, конечно, в наши дни не удивит переключением того, сколько в такой-то области или в каком-то крае новых клубов, школ, библиотек...

Я помню превосходную «столычную» библиотеку в селе Хороль. Огромный концертный зал, где приходило нам выступать в поселке Камень-Рыболов...

Здесь, в этом дворце, местные комсомольские работники рассказали нам о дискуссии, которую недавно устроили молодые артемовские горняки.

Молодого ученого усиленно приглашали на работу в Приморье. Но он весьма удивился, услышав об этом.

ных заведений, филиал Академии наук СССР, 5 специализированных научно-исследовательских институтов...

Прошло то время, когда Приморский край получал кадры специалистов исключительно из других областей страны.

И вот тут-то приходится бросить упрек и нам самим, писателям: слишком мало мы сделали для того, чтобы советская молодежь узнала правду о землях...

И, конечно же, разговор об этом большом и пока еще не оплаченном литературном счете не в меньшей мере относится и к нам, прозаикам, поэтам и драматургам...

Очерком дальневосточного писателя Г. Халилецкого «У нас, на Тихом океане»...

Очерком дальневосточного писателя Г. Халилецкого «У нас, на Тихом океане»...

Очерком дальневосточного писателя Г. Халилецкого «У нас, на Тихом океане»...

Журналы во втором полугодии

Что дают читателям литературно-художественные журналы во втором полугодии?

Начнем с прозы. Некоторые писатели выступают до конца года с двумя своими произведениями.

Ю. Герман в своей новой повести «Хорьковская шуба» рассказывает о работе чекистов в первые годы революции.

Журнал «Звезда» в последних номерах года опубликовал роман С. Колдунова «Солнце, которое не заходит»...

С несколькими крупными произведениями писателей братских литератур познакомит список читателей «Дружба народов».

В числе произведений писателей зарубежья — трагедия французского драматурга Жан-Поль Сартра «Только правды»...

Как будет выглядеть поэзия в журналах нынешнего года? В «Новом мире» мы познакомимся с поэмами Н. Ушакова «На Царинках»...

Директор Облбниготорга тов. Алавердов сообщил редакции, что в настоящее время вся литература, поступающая в адрес Облбниготорга, вывозится со станции в течение суток.

ОБЗОР ПИСЕМ

ГРАММОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ — ПО ПОДПИСКЕ!

«Представьте себе, что вдруг объявляется подписка на избранные произведения Рахманинова»...

Отклик читателей показывает, что они полностью одобряют эту идею. «Предложение правильное, и его надо реализовать»...

Из разных мест страны пишут о том, как трудно приобрести хорошие пластинки. Действительно, записанные на грампластинки произведения Чайковского, Рахманинова, Бетховена и других выдающихся композиторов...

«Многие желают просто потому, — пишет москвич Л. Васильев, — что точно так же мы уже купили два года назад, а магазины продолжают получать одни и те же названия».

Почему же все это происходит? Почему, по словам читателя А. Голубова, «пластинки со всевозможными трудно выгораживаемыми титлами выпускается много, а пластинки с записью камерной и симфонической музыки, с записью опер почти совсем нет?».

Оказывается, ассортимент предлагаемых покупателю пластинок и их тиражи определяются торговыми организациями, по заказам которых и работают предприятия.

Среди найденных рукописей — исторические записки, древнерусские повести и сказания, материалы по народной медицине, сборники стихотворений...

Большой интерес представляет «Плач по Москве» неизвестного автора XVIII века, вызванный свирепствовавшей в Москве чумой.

Читатели развивают мысль, высказанную в письме Б. Толля.

«Следовало бы поинтересоваться у Министерства культуры СССР, его Главному управлению производственными предприятиями, в ведении которого находится производство грампластинок».

Читатели развивают мысль, высказанную в письме Б. Толля. Так, преподаватель Московского театрального художественно-технического училища Е. Филиц предлагает о той значительной роли, которая могла бы принадлежать грампластинкам в улучшении преподавания литературы и истории в школах и вузах.

Служащая внимания замечание А. Лопато (Москва). Он пишет: «Почему грампластинки с записями песен продаются без текста? Ведь чтобы популяризировать песню, надо довести до слушателя не только ее музыку, но и слова».

В откликах читателей, полученных редакцией, много различных соображений относительно записи, производства и распространения грампластинок.

«Мне очень хотелось бы знать, как относятся учреждения, от которых зависит выпуск грампластинок, к предложению, связанному в газете. Очень прошу сообщить, будет ли реализовано это предложение?» — спрашивает Л. Васильев.

Следует переадресовать этот законный вопрос Министерству культуры СССР. Напомним, что оно еще не ответило на письмо Б. Толля.

Среди найденных рукописей — исторические записки, древнерусские повести и сказания, материалы по народной медицине, сборники стихотворений...

ПО СЛЕДАМ ВСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

УЧЕБНИКИ ВАЛЯЮТСЯ В ПАКГАУЗЕ...

Под таким заголовком в № 62 «Литературной газеты» было опубликовано письмо читателя, в котором рассказывалось, что Одесский обкомторг не вывозит школьные учебники, по году и более валяющиеся в пакгаузах грузового двора станции Одесса-Товарная.

Найдены древнерусские рукописи

В Усть-Щемском районе, Коми АССР, в поселениях по реке Пижме, участники археологической экспедиции сектора древнерусской литературы Пушкинского дома Академии наук СССР обнаружили у местных жителей много древнерусских рукописей, доставшихся им от дедов и прадедов...

И. ЧПРОВ

«Гроза завода»

1. В. Н. я приехал рано утром. Получил в заводской комитетуре пропуск и пошел к мартену. Здесь я раньше не бывал, но о дороге не расстраивался: мыльные трубы сталеплавильных печей не спугают нас с какими другими.

В том же направлении, что и я, шло много людей: кто в мартеновский цех, кто в сортопроектор, на блуминг, к копрам. Все время впереди маячил худощавый, но слишком высокой, подвешенный, уже пожилой человек в шерстяном пиджаке и брезентовых ботинках.

Еще сигналы, на этот раз совсем близко. Человек в пиджаке обернулся. — Поберегитеесь! — крикнул он. — Я подался вперед, а машина даже не замедлила хода, и я лихач-шофер, ни сивирный рывок с ним немного сутулый толстак в кожаном пальто не обернулся.

— Не забыли вас? — участливо спросил меня человек в пиджаке. — Нет? А что же это вы, между прочим, так неосторожно по заводской территории прохаживаетесь? Тут знай — поспрашивать...

он, и лицо у него побархотало, — Я или ты на заводе хозяин? Я или ты за план отвечаешь? Заваруха больше уже не мог сдерживаться: — Однако я вот что скажу, Вячеслав Онуфриевич. За план не только вы в ответе, и наша доля. И никакие опыты плану не угроза: выполним, не осырмисим. И поэтому, выхлоти, чет у вас резона нестерпимо сильно возмущаетесь. И вам, однако, это вредно, да и нам не так точно уж очень приятно, полезно и желательно.

Трудно предсказать, как реагировал бы главный инженер на эту отповедь. Воротничок ему вдруг стал тесен, и он отступил его. Перчатки он тоже снял и положил на стол. Кто его знает, что означали все эти приготовления? Может быть, Вячеслав Онуфриевич собрался обстоятельно потолковать с Заварухой о его шее, а может быть, ему просто стало душно?

Раздала наступила бы скоро, да в рапортиную бежал диспетчер. — Вячеслав Онуфриевич, вас вызывает в аппаратуру Москва.

Главный инженер стрелб со стола перчатки и воротничок, резко поглянул со стула и поспешил к диспетчеру. Начальник цеха облегченно вздохнул, цривнувшись к себе плазменные журналы и, отпуская Заваруху к печам, сказал: — Действуйте, Андрей Ефимович, как вчера. Благодарю! А отвечать не одним вы — вздохнем будем.

В тот же день мне еще раз пришлось встретить главного инженера. Я увидел его на шихтовом дворе. Он медленно шел вдоль закроям с железом, будой, известняком, магнетитом. Прищуренными строгами глазами он долго всматривался в груду краснуборного железа, потом вдруг наклонился и выхватил оттуда небольшой кусок руды. Он был значительно темнее железняка и, разумеется, попал сюда случайно, вывалился, когда над закроям проезжал край.

— Ий. Чувилдо! Подбежал бонгадир шихтовщиков. — Опять вынетред печам готовить? Буки ты у меня получаешь, а не премию. Вылет? Вот!

И чтобы Чувилдо лучше понял, Вячеслав Онуфриевич снял с правой руки перчатку и сложил вместе три пальца. 3. Через месяц я снова побывал на этом заводе, Вячеслав Онуфриевич в день моего приезда был мрачен и как бы даже растерян. Оказывалось, вчера на горюлкой партийной конференции наблюдали новый состав горкома. Выдвинули для обсуждения и кандидатуру Вячеслава

Онуфриевича. И вдруг делегат кофференции мастер Заваруха заявил отвод. Основываясь свое мнение, он рассказал, как «гроза завода» разговаривает с людьми и как люди перестали его уважать. И дело тут не только в крутом нраве, который умеючи нетрудно и обойти, а в том, — и это главное, — что такой руководитель, создавая себе ложный авторитет, подавляет инициативу новаторов, отрывается от коллектива, затрудняет его творческие искания, тормозит технический прогресс. Разумеется, такой «стиль» руководства за добро не приводит. Заваруху поддержали еще два заводских делегата, и Вячеслава Онуфриевича забаллотировали.

Он вернулся домой разстроенным, отказался от ужина, уединился в кабинете и проспал там почти всю ночь напролет. А под утро (впервые за последние три года не на автомашине, а пешком) отправился на завод. Как обычно, начал обход с агломерационной фабрики, потом побывал на домах, зашел в мартеновский цех. Ночная смена дала агломерата несколько меньше, чем дневная. Горновые третьей печи на десять минут против графика запылали с выпускном чугуна. В печном процессе нового мартена десал между путями увесистый металлический обломок, вывалившийся из мурлыки и не подобранный подручными. Еще вчера утром это послужило бы Вячеславу Онуфриевичу поводом для очередного разноса первого подвешенного под руку агломератчика, домещаюца, мартенопта. А сегодня он молча повел начальника смены к металлургическому щиту, на котором отменялась выработка агломерата, и ткнул пальцем в цифру, зафиксировавшую вчерашние итоги. Старшему горновому он показал на график, потом на часы и счел это вполне достаточным. Нагнувшись на обломок, он наклонился, поднял его, положил в мурлыку и, не взглянув на замуленные подручных, двинулся дальше.

И дело еще наблюдал в тот день за невозможным на самом себе главным инженером. И чем внимательнее приглядывался, тем сильнее убеждался, что втера на кофференции встречнуло его основательно. Правда, Вячеслав Онуфриевич пока лишь перестал гробить. Но надеяться, что завтра он вспомнит, что с людьми следует здороваться при встрече, спрашивать их о делах, а не тыкать им в глаза цифрами. И (кто знает?), может, придет день, когда его уже не будут проинчески именовать «грозы заводом», когда он вернет себе утраченный авторитет, заслужит уважение людей, без чего руководить коллективом невозможно.

ВЕСЕЛЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Анатолий ГЛЕБОВ

Наконец-то на сцене одного из московских театров появились советские одноактные пьесы! Драматический театр имени К. С. Станиславского поставил «Комедию из пяти комедий» С. Михалкова под общим названием «В одном купе».

Об отставании жанра одноактной пьесы, столь нужной десяткам тысяч коллективов театральной самостоятельности, много говорилось за последние годы. Но как это оставить этому жанру, если одноактные пьесы в течение трех десятилетий (1), за редкими, уникальными исключениями, не ставились профессиональным театром, а редакция и организация, обслуживающие художественную самостоятельность, связали одноактные пьесы до уровня требований воображаемого «среднего» драмкружка? В этом, а также в почти полном исчезновении одноактных пьес со страниц «толстых» журналов, из планов издательства (авторских сборниках), из поля зрения литературной критики — одна из основных причин отставания жанра одноактной пьесы. Дело дошло до того, что даже одноактные произведения классиков не ставились десятилетиями. Кажется несправедливым, что гениальное гоголевское «Прощание» не шло на русской профессиональной сцене... 31 год! Однако это факт. Наш зритель о пьесе знает и любит «большие» пьесы Мольера, однако его одноактные пьесы почти неизвестны, а замечательные одноактные пьесы польского классика Фредо совсем не появлялись на сцене театра. В незапамятные (для большинства зрителей) времена в последний раз ставились многие одноактные шедевры русской и мировой классики. Режиссеры различили их ставя, актеры — играли. А ведь в свое время в одноактных пьесах создавали величайшие образы — Корейца, Шенкина, Штирлица, Садовского, Самойлова, Савина, Варламова, Москвина и другие. Играли в них — в дни молодости — Яблочкина, Турчанинова, Рыжова.

За последние годы отдельные театры пытались ставить одноактные пьесы классиков. Показали «классические» одноактные пьесы Ленинградский театр драмы имени Пушкина, Театр сатиры, Театр киноактера. Сыграл четыре одноактные пьесы А. Упита драматический театр имени Л. Паатле в Латвии. С постановкой советских пьес на современную тему дело обстоит значительно хуже. Несколько лет назад попробовали поставить спектакль «Пламенные сердца» на тему борьбы за мир 1-й Московской областной драматической театр. Еще одна попытка была недавно в Сталинабаде, где Театр имени Якутия поставил спектакль из таджикских советских комедий. Вот и все, что можно тут вспомнить.

На таком безрадостно-пустынном фоне спектакль Театра имени К. С. Станиславского приобретает особый интерес. Совершенно ясно видеть, что возродит жанр одноактной пьесы можно лишь рычагом «большого» театра и «большой» литературы. Тогда и художественная самостоятельность получит возможность отыграть для себя лучшие одноактные пьесы, как она давно уже и вполне успешно это делает в отношении многоактных пьес, не требуя, кстати, никаких «специально самостоятельных» произведений.

Что сказать о спектакле Театра имени К. С. Станиславского? Он весел, остроумно поставлен и хорошо сыгран. Театр пошел по правильному пути, поставив не разрозненные, ничем не объединенные пьесы, как это делало на протяжении многих лет театры миниатюр (от «Кривого зеркала» до Театра одноактной пьесы), а целостную программу, связанную композиционно. По этому поводу на премьере в антрактах происходили споры между драматургами.

— Хорошо! Но зритель не пойдет, — мрачно пророчествовал один.

— Почему?! — возражал другой. — Ведь спектакль веселый, остроумный, нужный? Играют хорошо? Вы согласны?

— Согласен. Но на одноактные пьесы зритель вообще не ходит.

— Что значит «вообще»? Зритель не ходит на плохие пьесы, независимо от числа актов, и правильно делает. Потом: как можно утверждать, что он не «ходит», когда ему и ходить-то до сих пор некуда было?

Третий глубококомически предложил: не лучше ли снять с афиши упоминание об одноактных пьесах, а написать просто «обозрение»?

— Правильно! — поддержал первый. — В Театре сатиры на обозрение ходят, и еще как! На Райкина тоже.

— Позвольте! А тут, в сущности говоря, разве не то же обозрение? Пять пьес, как бублики, наизаны на одну веревочку. Так и надо их ставить, чем-то связывая, чтобы получились спектакли.

В самом деле, спектакль «В одном купе» можно назвать и обозрением. В купе поезда, идущего из Москвы в Алма-Ату, встречаются случайные пассажиры. Каждый, как и бывает в дальней дороге, рассказывает случай из своей жизни. Это неслучайная сюжетная связь объединяет пять одноактных пьес, пять жизненных прощаний.

В состав одноактной программы С. Михалкова вошла пьеса «Варушкин», «Сельская ветреха», «Моралист», «Темно-та», «Паршивая овца». Подхватили, хам, похабня, ханжа, тушица, глумление, лицемер, злобредный слюняк — вот конкретные враги, против которых автор ведет огонь. В пьесах есть и остроты сценические положения и комедийные реплики, вызывающие аплодисменты в зале. Но часто автор вместо того, чтобы поднять общественно-значительную, острую тему, сбивается на анекдот, мелочь, открывает огонь, так сказать, по «варушкам», не целясь в коршуны. И это, конечно, недостаток спектакля, который мог бы быть по более крупным мишеням, стараясь, содержание не в пьесах к тому же равновесии. Справедливое нарекание читателей вызвало в свое время «Паршивая овца», где честные, милые люди под влиянием квартирного склочника мгновенно превращались в оголтелых обывателей. Не глубока и сценка «Моралист»; ее решение весьма проблематично.

И все-таки спектакль смотрится с интересом. Постановщик А. Аронов показал хороший вкус, немало изобретательности, точное чувство формы, стремление к ясности сценических красок. И оформление отдельных пьес и, в особенности, де-

коративное решение вагона художником Э. Зейнро выполнено остроумно, закончно, точно.

Программа из одноактных пьес дает актеру благодарную возможность блеснуть многогранностью, раскрыть свои способности к перевоплощению. Большинство участников спектакля исполняют по несколько ролей. Интересно работа Б. Левинсона. Молодой режиссер, бюрократическим районного масштаба, безымянный юный ловец, пожелав архитектору Бриханенко, эстрадану Жанселли. Пять различных облик, характеров, интонаций, ритмов! Б. Левинсону удается найти индивидуальные своеобразные черты характера и продемонстрировать разные приемы подхода к образу. Искусство перевоплощения показал и В. Абрамов. Ханжа-чиновник, ведающий разрешением художественных плакатов; безликий проработник, все же набирающий в конце концов смелости высказать свое мнение; танцор-стиляга, пошляк и хам; почтенный старичок-пенсияр. Чем общего между этими столь разными образами? Но мастерство актера передает характерность всех их.

Замечательное мастерство реалистической сатиры продемонстрировала М. Кравчуковская в ролях курьерши, культработника и, особенно, в образе тещи («Темно-та»). Крошечная ролька, но вот видишь эти маленькие бегущие глазки, то умилые, то вспыхивающие откровенной жадностью, эти ворвавшиеся руки, тянувшиеся к бутылке водки, и рождается сценический портрет закоренелой мещанин, отрыжка старого, урожденного быта!

Два ничем не схожих образа — добродушного старика, любителя пичужек и злобного «квартирного вредителя» Якутия реалистически достоверно показал Б. Лифанов. Нельзя не отметить также В. Михайлова, сыгравшего три эпизодические роли, но так разнообразно и убедительно, что трудно забыть созданные им «моментальные снимки». Во всех этих актерских работах радует стремление к сценической выразительности, смелости рисунка, отсутствие той мелкой «справленки», которая в театре оборачивается сестрой.

Желаю придать спектаклю поемическую заостренность. С. Михалков в прологе и эпилоге вывел рецензента, который якобы боится сатиры и не рискует дать оценку пьесы Михалкова и спектакля. Сам по себе такой прием режиссерский интересен, но как бы переключает все действие в план веселой, ироничной театральной игры. Но, по существу, этот прием претензии и вызывает досаду. Было бы и неплохо драматургу и театру тем самым как бы заявлять о необычайной смелости, остроте своего выступления: вот она какая злая, острая сатира — даже критика трепещет, уклоняется от оценки! А ведь, по существу-то, спектакль скорее веселый, чем злой, скорее юмористический, чем сатирический. И не следует его иначе распевать и самим автором, который сделал первую, хотя и не во всем удавшуюся, попытку создать веселое представление одноактных пьес.

Хочется верить, что это хорошее начинание будет продолжено, что авторы новых одноактных пьес затронут более важные общественные отношения темы.

СОКРОВИЩА ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЫ

Книга И. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина» — произведение, интересное во многих отношениях. Автор открывает новую область в изучении пушкинских текстов и, начиная с решения довольно узких и специальных задач, приводит читателя к широким и значительным выводам, по-новому показывая нам Пушкина как историка и мемуариста.

В книге подвергнуты анализу два больших раздела пушкинского творчества: его многолетняя работа над «Историей Петра» и его автобиографическая проза. Работу над «Историей Петра» Пушкин, как известно, не успел завершить. Автобиографические записки, которые он усердно вел в 1820-х годах, Пушкин сжег после разгрома декабристского восстания, а возобновил, было, в 1830-х годах, не оставив нам ничего законченного и связанного в этом жанре. Эти-то незавершенные работы гениального русского писателя И. Фейнбергу и подверглись тщательному исследованию.

Результаты, к которым приходит автор, чрезвычайно интересны, убедительны и прежде всего неожиданны. Оказывается, мы являемся обладателями неочевидных сокровищ чудесной пушкинской прозы и не знаем об этом. Оказывается, что так называемые «Материалы по истории Петра» представляют собою вовсе не просто подробные конспекты «Дневня Петра Великого» Голыкова, не просто черновой, рабочий, вспомогательный материал для написанной еще книги Пушкина. И. Фейнбергу вполне убедительно показывает, что текст, оставленный нам Пушкиным, далеко от простого конспекта чужой книги. Исследователь обнаруживает в этих произведениях и ясно выраженную идею пушкинской «Истории Петра» — зрелую и мудрую, весьма далекую от аполитичности Голыкова, обнаруживает в этих пушкинских «конспектах» и контуры плана, композиции несуществующей книги. Наконец, и это, пожалуй, самое важное, автор показывает, что в «Материалах по истории Петра» есть целые куски вполне (или почти вполне) законченной, художественно обработанной, прекрасной пушкинской прозы: описание выезда Нарвы, смерть Петра и ряд других мест. Эти блестящие художественно-исторические картины, до сих пор затерянные среди подлинных «вспомогательных текстов», сокращенных, конспективных записей, впервые трудами исследователя открываются для читателя, обогащая наше представление о Пушкине — историческом художнике.

Внимательное и «пристрастное» — в лучшем смысле этого слова — изучение автобиографических текстов Пушкина дает возможность И. Фейнбергу и здесь сделать ценные открытия. Хорошо известно, что после смерти Пушкина в его бумагах осталось множество неоконченных, брошенных на половине или едва начатых произведений. В рукописях его находилось многоценное количество текстов, большие и малые, прозаические и стихотворные отрывки, известно к чему относящиеся. Все они являются, несомненно, фрагментами каких-то конкретных незавершенных или вовсе невыполненных замыслов поэта. Только очень немногим из этих отрывков текстов найдено правильное место в замыслах Пушкина, громадное же большинство их так и печатается в изданиях сочинений поэта, как «отрывки», «наброски» — без заглавий или с условными заглавиями: «заметка о том-то», «наброски статьи о том-то» и т. п. В большом академическом издании сочинений Пушкина приведен выверенный текст всех этих «отрывков» и «заметок», даны все их рукописные варианты и, по возможности, установлено время их написания.

Теперь перед исследователем стоит новая и заманчивая задача — разобраться в под-

линном смысле и происхождении этих отрывков и неоконченных записей Пушкина, раскрыть неизвестные еще нам художественные, публицистические или исторические замыслы поэта. Задача необыкновенно трудная! От исследователя здесь требуются глубокие знания, большой научный такт, исключительная добросовестность и острота зрения в выводах.

Все эти качества обнаруживает И. Фейнбергу в своей книге. Он настаивает на том, что не так уж безнадлежно обстоит дело и с уничтоженными самим Пушкиным произведениями. Очень тонким и остроумным анализом, опирающимся на прекрасное знание всего пушкинского текста, его биографии и его эпохи, исследователь показывает, что кое-что из уничтоженных Пушкиным в 1825 году записок он все же сохранил: до нас дошло несколько очень ценных кусков (о спорах Пушкина с Карамзиным, о Держанине, об Александре I и др.). Используя для сопоставления декабристскую мемуарную и публицистическую литературу, исследователь вскрывает и общий характер (политический и литературный) уничтоженных записок Пушкина. После работы И. Фейнберга мы неизмеримо больше знаем об этих сожженных Пушкиным записках, чем знали до сих пор, и, кроме того, для нас становится ясным смысл и происхождение ряда автобиографических текстов поэта, разбросанных в разных томах его сочинений.

Чрезвычайно правдоподобно и интересно попытку И. Фейнберга увидеть в литературных портретах, изображающих разных лиц, с которыми судьба сталкивала Пушкина (брат Марата, Ермолов, брат «кавалериста-девицы» Дуровой и др.), составные части записок Пушкина, начатых им в 1830-е годы. И. Фейнбергу удается эти новые пушкинские записки, как своего рода «Былые и думы» Пушкина, то есть не только автобиографию поэта, но и свидетельствование его о своей эпохе, ее общественно-политическом состоянии. Возможно, что и в самом деле многочисленные изображения разных лиц, прославленных в истории или не знаменитых, но типических для своего времени, — все эти литературные зарисовки крупных и мелких «героев своего времени» вошли бы в записки Пушкина, если бы он завершил их. Однако эти главы книги И. Фейнберга чересчур жадны, аргументация недостаточно развернута. Надо пожелать автору в дальнейшем детальнее остановиться на этой теме, шире развить и тверже обосновать свою плодотворную идею.

Такое содержание книги.

Бероятся в глаза большая научная зрелость автора, его внутренняя добросовестность и чувство ответственности перед читателями. В отличие от очень распространенной у нас манеры выступать «задуэка» своей более или менее остроумной гипотезы, стараться собрать в подтверждение ее все возможные доводы, сознательно умышленно или умалывая значения таких фактов, И. Фейнбергу ведет свое доказательство самым серьезным и добросовестным образом. Он настаивает только на таких положениях, которые может крепко и убедительно обосновать.

Волнение автора, сопровождающее высказывание и аргументирование важных для него (и для всякого любящего литературу и Пушкина) положений, заражает и читателя. Книга написана вовсе не для спекулятивно-литературеда, а для широкого культурного читателя, и тем не менее автору удалось сохранить в ней, при полной доступности, полную научную серьезность. И в отношении языка книга И. Фейнберга может служить примером того, как нужно писать научное исследование о поэте.

С. БОНДИ

КОРОТКО О КНИГАХ

ПРАВДИВЫЕ СТРАНИЦЫ

Издательство «Советский писатель» выпустило «Избранное» А. С. Яковлева (Москва, 1955, 495 стр.). Произведения умершего два года назад талантливого писателя давно не переиздавались центральными издательствами, и поэтому радует появление этого хорошего составленного сборника. Открывает его автобиографическая повесть «Ступени» — произведение, которое по праву может встать рядом с такими отличными образцами этого жанра, как автобиографическая трилогия Ф. Гладкова или «Открытие мира» В. Смирнова. Прекрасным языком, ярким, выразительным, «веселым» и вместе с тем чрезвычайно точным, написана эта правдивая повесть о детстве и юности сына маляра, Мити Круглова, смелого волевого мальчика, пробовавшего себе путь к образованию, готовившего себя к революционной борьбе.

Читатель найдет в сборнике также «Тайну Саратовской земли» — повесть о том, как под Саратовом советские геологи открыли нефть, и о том, как еще в тяжелые годы войны начинали строить газопровод Саратов—Москва; как потом и нефть размыслили в недрах богатейшей саратовской земли... Повесть эта написана строго и сдержанно, в очерковой манере, она позволяет очень четко представить описанные события. Завершает сборник рассказы разных лет — «Воробы», «Легенда» (они связаны с путешествием писателя на лето в «Мальгин»), «Лухарь», «Слава семье Острогоровых», «Родина Волги».

Небольшое, тепло написанное послесловие Ел. Лидина воскрешает скромный и объективный облик покойного поэта. Удивляет только то, что ни в послесловии, ни в тексте сборника мы не найдем ни одной биографической даты, ни одного обозначения даты написания произведений.

«ПОКА СТУЧИТ СЕРДЦЕ»

Так озаглавлена небольшая книжка, включающая в себя дневники и письма Героя Советского Союза Евгения Рудневого («Молодой гвардии», 1954, 128 стр.). С ее страниц встает образ злого, кристально чистого, цельного, талантливого, смелого, умного и сердечного человека, как нельзя лучше являющегося собой высокий пример героического служения Родине.

«Вот я смотрю на звездное небо, на Орлеан, на Сириус», — записывает в своем дневнике шестнадцатилетняя Женя, — и мечтаю о том, как я буду астрономом, как я буду изучать их спектры, я вижу себя в обсерватории... А на самом деле? Ведь сколько мне еще учиться! Но... я уже и сейчас смотрю на небо, как на свое будущее существование». И она, действительно, стала «холод» — эта студентка университета, с увлечением и успехом изучавшая астрономию, а в дни войны ушедшая в авиацию по призыву Марии Расковой. Штурман гвардейского авиационного полка Женя Руднев совершила 645 боевых вылетов, 645 раз штурмовала она небо, и когда затрещала ее самолет, все же сбросила смертоносный груз на вражеские позиции и только после этого, как горящая звезда, упала на землю...

Дневники и письма Евгения Рудневого (в сокращении они уже публиковались в 1948 году в журнале «Новый мир») будут прочитаны с волнением и большим интересом.

ЗДРАВСТВУЙ, ЧИПОЛЛИНО!

На обложке книжки — задорный мальтуган с лукавыми глазами. Он шагает по дороге, неся на палке узедек. Это — Чиполлино, «мальчик-луковка», сын Чиполлоне, брат Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлола, Чиполлула и так далее. Может быть, не без труда запомнят маленькие читатели «иностранное» имя героя книжки, но, запомнив, долго его не забудут.

Государственное издательство латвийской литературы сделало хорошее дело, выпустив отдельным изданием эту и веселую и грустную, озабоченную солнцем Италию книгу, написанную писателем Джанни Ролари («Приключения Чиполлино», перевод с итальянского З. Потаповой, редакция С. Маршак, 231 стр. Тираж 30 тысяч).

В книге книжки — три песни С. Маршак к радиопостановке «Приключения Чиполлино». Удачные рисунки художника В. Сутеева помогают «воочию» увидеть героев книги и мир, в котором они живут.

Совещание молодых авторов

СЫКТЫВКАР. (Наш корр.). Состоялось совещание молодых авторов, созданное Союзом писателей Коми АССР. Участвующие писатели обсуждали итоги Второго съезда советских писателей, прослушали

лекцию-беседу о конфликте, сюжете и композиции художественного произведения, лекцию о художественном образе, как особой форме отражения действительности, и о

языке, как средстве создания художественного произведения. На секциях прозы и поэзии молодые авторы читали и обсуждали свои новые произведения.

И. Фейнбергу. «Незавершенные работы Пушкина». «Советский писатель», 1955, 338 стр.

Большой ветер и маленькие люди

Все веселее и значительнее звучит в искусстве тема, которую называют (и мы пока что согласны с этим названием) темой «маленьких людей». То, что в один голос отмечают зрители и рецензенты последней Всесоюзной художественной выставки, — отсутствие былых многометровых парадных полотен и пристальное внимание к «секретам» обыкновенной жизни обыкновенных советских людей, — вовсе не является привилегией изобразительного искусства; тот же процесс с той же сложностью (с робостью и с полемическими крайностями, с успехами и с неудачами) происходит в литературе. Цель прежняя — создать на материале сегодняшних дней новые повести о настоящем человеке, с таким же высоким примером жанрового подвига, каким отличались все лучшие произведения военной, довоенной и послевоенной литературы.

Однако средств в достижении этой цели оказалось куда больше, чем отпустила нашему искусству поклонница «Кавалера Золотой звезды» и «идеального» в своем жанровом благополучии («Сельского врача»). В том-то и беда авторов такого рода произведений, что, увлеченные своей высокой целью, они порой искусственно спрямали и обесчлавили путь к ней.

А читатель в своем выборе неизменно: и вчера, и сегодня, и в будущем он голосует в пользу тех, кто идет тружными «земными» дорогами, в пользу «маленьких людей», понимающих до большого подвига. Оттого с таким интересом встречаются новые книги, даваемые бы, самых различных писательских почерков и манер — тут Венкин и Антонов, тут Гранин и Некрасов, тут Николаева и Тендрюков... Оттого — это замечательно — у каждого из этих писателей, которые сами не так давно вступили в большую литературу, все чаще и чаще появляются подражатели, волные или невольные ученики, и больше всего — среди авторов первой книги.

«Рождение писателя» — так назвала читницкая газета «Забайкальский рабочий» большую рецензию на первую книжку рассказов Ильи Лаврова «Ноч-

ные сторожа». И, думается, газета не ошиблась: восемь рассказов, собранных в этой книжке, говорят о несомненном, во многом сформировавшемся литературном таланте молодого автора. «Светозаров» панически боится зарыться и умереть. Еще отец внушил ему, что через руки чаще всего передаются разные микробы. Поэтому Светозаров никогда не здоровался за руку, а если все же приходилось, сразу уходил в туалетную комнату и тщательно мыл руки. Так он за день в театре мыл их раз десять. Они сделались бело-розовые, сморщенные, как у прапки после стирки». Одна деталь — и человеческая сущность этого «режиссера», переименовавшего себя из Хомьякова в благозвучного Светозарова, определена полностью.

Лавров умеет изображать, а не описывать (описательством страдает большинство начинающих авторов). Это и позволяет считать его уже теперь, после первых рассказов, художником. Писательский язык, его образность и афористичность, вкус и мера в выборе изобразительных средств — все то, что нередко становится «камнем преткновения» для молодых литераторов, присутствует в каждом рассказе Ильи Лаврова в большой или меньшей степени. «Цыганское, темное лицо Полюшнина улыбалось. А перед глазами все лежало аккуртными, твердыми паучьи лапки. В каждой тыщача, и таких тугих кирпичиков, перепончатых в талии бумажными ленточками, полста». Здесь все на месте — и «тугие кирпичики», и характерное алое «полста».

Впрочем, в этой кропотливой работе над словом, над художественной деталью не обошлось без огрехов. То ровное, строгое, по-чеховски скучное но эпитет повествования обрывается вдруг манерной, «деланной» фразой: «Часто небо сеет зерна дождя», или — «Идти — это похороны», или — «краткая сетка «хруста, как сухари». Тот от неудачно выбранного сравнения снижается, грубеет образ, «облюбованный писателем»: парк у него «шумит, шепчется в темноте, словно деревья проводят тревожное совещание», — как быть дальше — по-

дошла осень», — и ни в чем неповинная природа оказывается обороченной.

Но главная опасность для Ильи Лаврова таится, на наш взгляд, не в этих погрешностях вкуса. Есть в «Ночных сторожах» беда посерьезнее.

Лавров взялся за перо с ясным и твердым намерением, неизменным для всех его произведений, — рассказать о «маленьких людях». Но что понимает писатель под этим условным, чисто литературным термином? Быть может, словарь на заводе — это маленький человек, а директор — большой? Что греха таить: еще встречается в литературе такой субъективный «иттинский», должностной подход в оценке значимости героя, во взглядах на то, как и куда следует ему «расти», если он положительный. Не от того ли, кстати говоря, у многих молодых и прилежных читателей наших так часто все мечты о будущем повернуты в сторону кабинетной должности? Конечно, но на деле все обстоит иначе: литературный «маленький человек» — это любой из нас в обычных обстоятельствах, это рядовые советские люди в будничной обстановке. Это, в конечном счете, народ, миллионы и миллионы простых наших труженников, без шума и треска делающие свое великое дело.

Счастье простого человека всегда жила классическая русская литература. Ее реалистические и гуманистические традиции куда полнее раскрывают смысл термина «маленькие люди», нежели делают это малоправдавшие аналогии с ленинскими романами буржуазного Запада. Странно, что такую аналогию проводит на страницах седьмого номера журнала «Звезда» критик А. Звягинцев. Произвольно определяя истоки появления «маленьких людей» в кругу наших произведений, критик усматривает в самом этом термине явную кривоту — во всяком случае для «различной» литературы, которую А. Звягинцев усердно проповедует уже во второй своей статье. Нет, не только для «различной» — для всей литературы социалистического реализма, разумеется, неприемлем в качестве героя «слабый, беззащитный человек», не способный даже «ни на какие активные действия». Но когда токарь в произведении — уже Бортничев, а директор — уже Батманов, вот тогда и встает перед читателем вопрос о «маленьких людях», то есть о том, с чего начинали и как формировались эти выдающиеся характеры. С подлинной правдой показать весь процесс «закалки стали» — одна из наиболее трудных и наиболее увлекательных задач в искусстве.

Автор «Ночных сторожей» не до конца понимает свою задачу. Его «маленькие люди» — это чаще всего неудачники, люди с ушибленной, у которых словно раз и навсегда на судьбе написано: «быть маленькими». Не смог, не сумел отстаивать свои права», — думает про себя герой грустного рассказа «Надпись в абоне», и он действительно такой беспомощный, и, как ни странно, именно этой своей беспомощностью близок и дорог автору. Получается (и это, видимо, действительно так), что умный, наблюдательный писатель не столько по-настоящему любит и уважает, сколько жалует своих героев. Центральная фигура его заглавного рассказа — ночной сторож Ефим в своей бессловесности, в своем неумении выразить большие переживания чувством поразила-таки, напоминать тургеневского Герасима из «Муμου»; он так и уходит из рассказа «немым», переполненный своим невысказанным, не пригодившимся в жизни чувством. Лицемер, фразер Звездозлагод оказывается, по сути, победителем, потому что оскорбленная «неосторожным словом» Тамара и все сочувствующие ей негодуют про себя, молча. Все они — и Тамара, и неудачный Ефим, и нерешительный Андрей Петрович из рассказа «Надпись в абоне», и двоя Антонина Степановна из другого рассказа — чем-то согреты в своей будничной, «маленькой» жизни, но чем? Только внутренним сознанием собственного достоинства и пассивной жалостью окружающим. Автор готов, угодившись горьковскому Луке, утешить их и нас тем, что «даже страдая, эта Свечка счастлива... У нее все еще впереди. У нее — весна жизни. Тревожная, шумная, горячая». Но где путь к этой весне и как отбросить с него Звездозлагодство и Полюшниничево, все это поощляет, мещанинствует, бездумно, так тонко схваченные в жизни и обожженные в книге автором, — на это в «Ночных сторожах» бесполезно искать ответа. Илья Лавров отказал многим из своих героев в праве на борьбу, на порыв, на движение к лучшему, в праве сегодня или завтра совершить свой «маленький» жизненный подвиг, будь то человеческая победа над полдюжиной или душевное расширение глубоко и напрасно запрятанного таланта.

И дело тут, разумеется, не в слабой фразе «под занавес». Ведь умилительная, идеальная в своей бесконфликтности и нежизненности сценка «В нашем городке», которая завершает сборник, говорит читателю о том, что и в десятилетиях раз меньше, чем любой из предыдущих рассказов, автор пренебрегает к недостаткам. Выразительная сдержанность положительных героев,

тонкий психологический подтекст, помогающий даже в сложнейших ситуациях избегать назидательности и навязчивости, — все это близко и дорого нам в «Ночных сторожах» — не меньше, чем автору. Но вот над чем стоит задуматься: если о ряде произведений, нынешних и в особенности, прошлых лет, справедливо говорится, что они светят, но не греют, то о рассказах Ильи Лаврова скорее скажешь другое: они греют, но не светят.

Правомыслие ли наши требования? Можно ли о тех же самых «маленьких людях», не изменяя лирической манеры, писать иначе? Проще всего сослаться на примеры, всем хорошо известные. Но обратим внимание на книжку, вышедшую недавно, почти одновременно с произведениями И. Лаврова, — на сборник рассказов Воронежского писателя А. Шубина «Жизнь идет». Воронежский автор избрал для себя ту же тему, что и читинский, — «маленькие люди». Книжка открывается рассказом «Жизнь идет». Иза несчастного случая деревенская девушка Паша попадает в больницу и оказывается в одной палате с умирающей учительницей Ольгой Николаевной и «доброй бабушкой» Полгейей Дмитриевной. Хитрые притчи «бабушки» и, особенно, мудрые советы учительницы открывают перед Пашей новые горизонты в ее «маленькой» жизни. Проветрившая Паша, выйдя из больницы, говорит шоферу Сашке: «Знаешь, чью хочешь? За такую работу ватисать... В Сибирь поеду...»

Как ни хорош по идеям замысел А. Шубина, мы не можем посоветовать И. Лаврову равняться в дальнейшем на подобные произведения: в том-то и беда, что обобщенная, примитивная схема, посредством которой писатель в данном случае стремится осуществить свой правый замысел, осуществит свой правый замысел и отбьет вкус у художника. Но вот другой рассказ А. Шубина — «Повесть о мастере». Несторонний и будто не очень связан (как это любят делать и И. Лавров) разворачивается шедевральный картина жизни кустаря-инвалида Ильи Трофимовича Гвердохоба. И хотя жвет этот инвальный с братом где-то в стороне от всей сельской жизни, ни одно из больших событий тех лет не проходит для него бесследно: «Читай, вспоминает, думает, разговаривает с племянником и племянницей Ильей Трофимовичем и все больше и больше понимает: воплотила жизнь прожита. Хотят и не его в том впа, а обидно».

Ночной сторож Ефим из рассказа И. Лаврова вышел примерно до той же мысли, обобщал ее, какрадун и пошел дальше, не-

известно куда — «сырая, неглядная лужка», «моросащее небо», а он идет, как паучок, сгнанный в далекую дырку...». Многообещающие три точки в конце — вот и все. Герой Шубина на этом не останавливается. Как-то приехали в село военные, заинтересовались самостоятельными гармониками Ильи Трофимовича, попросили сыграть, попробовать. Худельный парнишка в шинели оказался «садушанным» — сначала марш сыграл, потом за песню принялась: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... Преодолеть пространство и простор...»

Не на шутку прибили у Ильи Трофимовича глаза. Должно быть, от яркого солнечного света слезятся начали. Подвинет он покрепче очки, но и это не помогает.

«Сам человек не знал, что где-то в нем натянута еще ни разу не прозвучавшие струны», — вот мысль, сказанная уже между строчек, но ради нее написан этот отличный рассказ. Ради нее стоит потрудиться над тем, чтобы наглядно показать всему миру, как в действительности велик и прекрасен наш «иттинчик» — «маленький» человек.

Среди опубликованных недавно юношеских писем Зориса Горбатова есть одно, где высказана безбрежная мечта писателя: «Меня привлекают не красоты природы, не страсти и муки людей, а сами люди, их жизнь, серенькая и прекрасная в своей сдержанности, их отношения между собой. Меня трогает, волнует, печалит и радует простота человеческих чувств, печали и радости. И мне хочется в своих произведениях рассказать о маленьком городе, в котором живут маленькие жизнью мальчики и девочки».

И этих маленьких людей увлечь большим порывом. Указать им, что, делая свое маленькое дело, они являются частями большого механизма. Какой-то большой ветер бешено вертит крылья мальчишки и приводит в движение жернова. Мелется мука. Копотятся люди.

Большой ветер и маленькие люди — вот основа моих произведений, которые я напишу, когда научусь писать».

Каждый, кто сегодня берет писать о «маленьких людях», не может забывать о большом ветре. Великая правда советской действительности тем и хороша, что вся жизнь «маленького человека» пронизана большим ветром.

„Мы никогда больше не совершим ошибки“

Десять лет тому назад разорвалась над нашей планетой первая атомная бомба.

Она разорвалась далеко от Ленинграда. Здесь уже была победа; здесь стояла такая тишина, такая глубокая и усталая, которая бывает, вероятно, только после войны — после бумажной скорби.

Я не могу говорить об атомном оружии, не говоря о себе, просто потому, что я человек.

Известие о взрыве этой бомбы застало меня в то время, когда я ехала с Карельского перешейка в Ленинград. Повторяю, была уже победа, был уже мир, была тишина. И вот во всей этой невероятной тишине я проезжала по «ничейной» земле. Мне трудно представить, что выросли люди, которые не знают, что такое «ничейная» земля. Я знаю, что такое «ничейная» земля — полоса между нашими и вражескими окрестностями. Я видела ее вокруг Ленинграда. Это было очень близко, почти сразу за «Брянским путиловцем». На ней выжито не было. Огня только пеньки. Но они еще бо-

лее опустошали пейзаж. Глубокие воронки, полные застылой и густой водой, были на этой земле...

И вот на этой «ничейной» земле в час тишины, в час победы я услышала о взрыве первой атомной бомбы. Мне показалось, что люди с далеких радиостанций, передававшие сообщение об этом, читали с каким-то испуганным восторгом, что выпыска разрывавшейся атомной бомбы затмила солнечный свет... И я подумала, как и все мои спутники в вагоне — инвалиды Отечественной войны, офицер, который сидел у окна, девчонки метаводы (мы тогда еще не все расформировались): «этот нехороший свет принесет человеку горе».

А затем уже приходили вести о неисчислимых жертвах Хиросимы и Нагасаки. Об этом говорить трудно. Пусть говорят свидетели. Об этом говорить трудно потому, что есть искусство, есть материнство, есть красота, есть любовь...

Я была в Ленинграде всю блокаду. Одной из моих должностей была должность — политорганизатора жи-

лого объекта, то есть «комиссара» дома. По должности приходилось стоять на крыше во время бомбежек. Я помню, как падали бомбы на Ленинград. Говорят, что когда упадет атомная бомба, мы ее даже не заметим. А мы ее уже знаем. Она упала дважды, и мы это хорошо помним.

Она пыталась затмить солнце. Никто не будет возражать против использования атомной энергии на пользу людей, но мы против того, чтобы она была использована против людей, чтобы она затмевала солнце. Земля не должна быть «ничейной». Земля должна быть человеческой, для человека, ради человека.

Я прочла, что в Хиросиме, в том месте, где разорвалась первая атомная бомба и где погибли тысячи японских женщин, детей и стариков, вздынулись памятники, на котором высечена надпись: «Спите спокойно; мы никогда больше не совершим ошибки».

Да, мы не совершим ошибки; мы не дадим совершить преступления.

Земля будет человеческой!

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

На снимке слева — группа участников ансамбля песни и танца стран бассейна Карайского моря; эти юности с далеких островов Восточной Индии отправились на фестиваль молодежи в Варшаву. На снимке справа — хорошо известный в Лондоне молодежный хор. Для того, чтобы собрать деньги на поездку на фестиваль в Варшаву, хор не раз выступал на улицах британской столицы.

Снимки из польского журнала «Свят» и английского журнала «Челленджер»

ФЕСТИВАЛЬ В ВАРШАВЕ

ДЕЛЕГАТ ИЗ ХИРОСИМЫ

Далеко, очень далеко от Варшавы до Хиросимы — когда один город спит, другой — бодрствует. Когда один просыпается, другой — отдыхает после трудового дня. Но разве только стрелки часов не совпадают в этих городах? Разные деревья, цветы, злаки растут в Японии и Польше, и дома совсем не схожи своей архитектурой, и жители этих городов отличаются друг от друга всем своим обликом, образом жизни, обычаями, привычками.

Но трагические испытания, которые война принесла и Варшаве и Хиросиме, роднят эти города и сближают их наперекор меридианам, вопреки долготам и широтам.

Далеко, очень далеко путь из Хиросимы в Варшаву. Но он не показался утомительным и длинным делегатам этого города после того, как они вступили на гостеприимную польскую землю, окунаясь в атмосферу горячего и сердечного дружелюбия, увидели, как ждали их молодые люди всех стран. Они увидели, что молодые сердца жаждут объединить свои силы в борьбе против атомного оружия, слыть свои молодые голоса в одно грозное и оглушительное «нет!»...

Трудно, очень трудно было японской молодежи отгнать своих делегатов на Варшавский фестиваль. Чтобы читатель мог себе лучше представить меру этих трудностей, можно сказать, что стоимость одного только билета на самолет Токио — Вена туда и обратно равна среднемесячному жалованью шестидесяти японских рабочих. А самолет, поднимающийся с токийского аэродрома с молодыми посланцами Японии, вез 51 делегата, да еще человек десять добрались до Варшавы другими видами транспорта.

На фабриках и в шахтах, в университетах и учреждениях из рук в руки передавались подлинские листы. Молодежь ходила с подлинными листами по улицам города. Молодые люди продавали открытки, марки в честь фестиваля. Особенно широкий размах приняла подготовка к фестивалю в Хиросиме. Там в ней приняло участие около семи тысяч юношей и девушек.

А когда оказалось, что собранных средств все-таки не хватало, то иные, даже бедные люди, делали посильные взносы, иные отдавали все свои сбережения, а несколько молодых крестьян Северной Японии заложили в банк свою землю и отдали деньги делегатам, уверенные в том, что после фестиваля молодые люди помогут им выкупить землю.

Среди других молодых людей на улицах Хиросимы можно было часто увидеть Юкио Мотоюсу и его жену Носико. Это были самые приятные сборщики подписей под Обращением Всемирного Совета Мира про-

тив угрозы атомной войны и сборщики денег на поездку делегатов в Варшаву. Сам Мотоюсу работает землеустроителем в государственной конторе по сооружению дорог, набережных и плотин, а Носико — телефонистка.

Много, очень много и энергично потрудились молодые патриоты Японии во время подготовки к фестивалю, и все-таки не хватило денег на то, чтобы поехали все избранные молодежь делегаты, и тогда стали выбирать самых достойных из делегатов. Носико была счастлива, что в этом единственном самолете нашлось место для Юкио. Ему важнее поехать, чем ей, он лучше, чем она, расскажет о том, что пережили молодые люди Хиросимы, о том, как они живут сегодня, как они мечтают жить завтра...

Юкио Мотоюсу — единственный делегат Варшавского фестиваля, который видел и пережил атомный взрыв 6 августа 1945 года и по счастливой случайности уцелел в огне. Десять лет прошло после того черного дня, и Мотоюсу рад тому, что годовщина Хиросимы застала его на Варшавском фестивале среди юношей и девушек разного цвета кожи, но одинаково жаждущих счастья, среди его новых ми-

Пятый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Варшаве. На снимке: представитель молодежи Африки на стадионе строителей во время международного «Праздника урожая», в котором участвовали художественные коллективы ряда стран.

Фото В. Егоров

молетных знакомых и недавних, но уже больших друзей.

Мотоюсу успел побывать с тех пор в гостях у молодежи Румынии, Вьетнама, Латинской Америки. Сейчас он живет под одной крышей с чернокожими делегатами Нигерии, Судана, Золотого Берега. Блокнот его исписан адресами новых знакомых. Объясняется он со своими новыми друзьями при помощи жестов, а когда не хватает слов для выражения чувств, то собеседники прибегают к рисункам.

И хотя десять лет отделяют сегодняшний день от взрыва атомной бомбы, воспоминания попрежнему подступают к самому сердцу, и Мотоюсу, волнуясь и жестиками удерживаясь, чем обычно, рассказывает о пережитом.

Это было в 8 часов 20 минут утра, в то время, когда дети Хиросимы шли в школу, а взрослые торопились на работу. 14-летний Юкио Мотоюсу работал тогда на военном заводе, где изготовляли детали для торпед. В тот день он пришел на завод до начала работы и зашел в столовую. Там его застали взрыв, показавшийся в первый миг Юкио и его товарищам землетрясением. Как рассказать о том, что произошло позже, когда Мотоюсу из-под развалин столовой выбрался на заводскую дворо, на улицу и его окружило бушующее море огня!

Взрыв бомбы едва не стоил жизни его школьной подруге, маленькой Носико. Она находилась несколько дальше от центра взрыва, чем завод, на котором работала Мотоюсу, но работала на улице. Ожог на руках и лице Носико был так тяжелый, что жизнь ее долго была в опасности.

Около трехсот тысяч человек погибли в Хиросиме и Нагасаки. Но это не все. Есть и другие жертвы атомного оружия среди оставшихся в живых. Остались люди, зараженные радиоактивным излучением, они находятся под специальным наблюдением врачей. В Хиросиме немало инвалидов, которые вот уже десять лет прикованы к постели или ходят с палочками, оцупь, не расстаются с косты-

лями. Невисшим урон, принесенный жителям Хиросимы. В городском районе Дамбара на улице, где сейчас живут Мотоюсу, многие молодые семьи, так же как сами Мотоюсу, бездетны — это результат воздействия радиоактивности. И многие бедняки еще живут на пепелищах домов, в их развалинах, в лагунах.

Молодые посланцы Японии шли на парад в день открытия Варшавского фестиваля с плакатом, призывающим запретить атомное и водородное оружие. Здесь, в Польше, война напоминает о себе японскому гостю Юкио Мотоюсу на каждом шагу: в Варшаве чернеет еще немало руин, немало зеленеет поросших травой курганы бомбы.

Страшен лик войны, в каком бы виде она ни являлась человечеству. И ради того, чтобы ни один город на земле не постигла судьба Хиросимы или разрушенной Варшавы, чтобы матери не теряли своих детей, жены не оставались вдовами, невесты не оплакивали погибших женихов, а дети не оставались сиротами; чтобы ничто не угрожало счастью и здоровью молодого поколения, чтобы война не оставила на красивых девичьих лицах своих страшных шрамов и не лишила молодых женщин радости материнства — ради всего этого приехал Юкио Мотоюсу из далекой Хиросимы в гостеприимную Варшаву. Обо всем этом он хочет сказать на митинге, который состоится завтра в Варшаве, в день десятилетия хиросимской катастрофы. Посланцы молодежи всего мира вместе с Мотоюсу призовут навсегда запретить атомное и водородное оружие.

Вчера был оживленный день в Варшаве. Молодежь отмечала десятилетие Всемирной федерации демократической молодежи — крупнейшей молодежной организации, насчитывающей в своих рядах 85 миллионов членов из 97 стран. Днем в зале «Гвардия» был устроен большой международный концерт: в нем участвовали художественные коллективы Китая, Индии, США, Англии, Марокко, Польши и Советского Союза. Вечером на двадцати площадях столицы Польши происходили «праздники дружбы» международной молодежи.

В центре внимания в эти дни — Дворец культуры и науки имени И. В. Сталина. Многие десятки тысяч людей побывали здесь на концертах и выставках. Непрерывным потоком идут экскурсанты: каждый из них хочет посетить великославное сооружение, символизирующее вечную дружбу братских народов Советского Союза и Польши.

Евгений ВОРОБЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВАРШАВА, 5 августа. (По телефону)

Ху Фын и его сообщники разоблачены

Успехи китайского народа в хозяйственном и культурном строительстве вызывают злобу и ненависть врагов демократии, стремящихся всеми средствами помешать дальнейшему расцвету нового Китая. Одно из этих средств — попытки затормозить развитие литературы, искусства, общественных наук, направить их на ложный путь, подчинить влияние буржуазной идеологии.

Советская печать широко освещала начавшуюся в конце прошлого года литературоведческую дискуссию в Китае, которая вскоре переросла во всенародную кампанию критики буржуазных взглядов в идеологии. В ходе этой дискуссии была окончательно разгромлена враждебная китайскому народу группировка Ху Фына, сам Ху Фын единодушным решением депутатов Всекитайского собрания народных представителей был лишен депутатских полномочий.

Деятельность Ху Фына и его сообщников нанесла большой вред культурному строительству в новом Китае.

В последние месяцы «произведения» Ху Фына были подвергнуты широкой критике со стороны китайской общественности. В середине мая Ху Фын, боясь разоблачения, выступил со статьей «Моя самокритика», в которой пытался затуманить существование своих ошибок. «Их трудно», — писал он, — извлечь человеку, происходящему из среды мелкобуржуазных революционеров». Однако Ху Фын застрял, что сами по себе его побуждения «всегда были любознательны и честны по отношению к народу».

Так ли это? Действительно ли ошибки Ху Фына — лишь заблуждения литератора? Документы, опубликованные несколькими газетами вскоре после «самокритической» статьи Ху Фына, разоблачили эту ложь. Его письма к своим сообщникам выдают его с головой как контрреволюционера, на протяжении всей своей деятельности выступавшего против интересов китайского народа.

Вот некоторые вехи «литературной деятельности» Ху Фына.

Одним из его первых сочинений была книга «Дни против течения», в которой он высказывал сожаление по поводу гибели

гражданскую войну. Хуфывовцы торжествовали. Один из пособников Ху Фына — А Лун написал ему об этом радостное письмо, закончив его словами: «Сообщаю об этом, чтобы порадовать тебя».

В 1947—1948 гг., когда Народно-освободительная армия одержала одну за другой великие победы, группа Ху Фына продолжала вертеть свои грязные дела. Создал на севере Китая журнал «Ниту» («Земля»). хуфывовцы правили на его страницах прогрессивных писателей, особенно писателей-коммунистов. Они не постеснялись облить грязью известного писателя Вань И-до, убитого гоминдановцами за его непреклонные революционные убеждения.

После освобождения Китая Ху Фын остался на континенте в качестве агента чанкайшистов. Он замаскировался и расширил сферу своей контрреволюционной деятельности.

Летом прошлого года Ху Фын представил МК КПК обширный «доклад», в котором выдвинул свою реакционную программу развития литературы.

Через несколько месяцев на собрании писателей и работников искусства обсуждалось opinioni редакции журнала «Ваньбао», допущенные ею в дискуссию о классическом наследии китайской литературы. На собрании Ху Фын выступил с речью, в которой пытался очернить партийное руководство литературой.

Китайские писатели дали решительный отпор нападам Ху Фына на руководство партии. Правление Союза писателей решило опубликовать «доклад» Ху Фына Центральному Комитету КПК для широкого обсуждения. Узнав об этом, Ху Фын обеспокоился и обратился с просьбой не опубликовать «доклада» и не проводить открытого общественного обсуждения. Он лично заявил, что готов сам выступить с критикой своих ошибок.

В начале этого года журнал «Ваньбао» опубликовал важнейшую часть «доклада» Ху Фына. На страницах многих китайских газет и журналов немедленно развернулась широкая общественная критика буржуазно-идеалистических, антимарксистских взглядов Ху Фына.

В ходе общественной критики была вскрыта антинародная сущность деятельности группы Ху Фына.

После того, как одновременно с фальшивой статьёй Ху Фына «Моя самокритика» в «Женьминьжао» были опубликованы его секретные письма своим сторон-

никам, письма, в которых каждая строка пропитана ненавистью к Коммунистической партии и китайскому народу, известный драматург Цао Юй писал: «Кого Ху Фын считает своими врагами, для нас сейчас стало совершенно ясно. А вот кто является его друзьями?».

Ответ на этот вопрос дали новые документы. Другая Ху Фына — это контрреволюционное отребье, притаившееся внутри страны, это гоминдановские банды на Тайване.

Вот некоторые из его пособников, тех, кто выдал себя за революционных писателей, кто громкими, но пустыми фразами о революции и марксизме пытался скрыть свою вредоносную деятельность.

Один из наиболее близких друзей Ху Фына — Фан Жань был активным «агентом» гоминдановской реакционной «Ассоциации возрождения» — «Фунши». После начала антияпонской войны он приклялся «революционером» и пропал в Яньбае. Возвращение через несколько месяцев на гоминдановскую территорию, он клеветал, что «в Яньбае господствует военщина», что поэтому не он «вернулся в свободный мир».

В издательстве им журнал «Дыхание» Фан Жань транслировал революционных писателей, проживавших в гоминдановских районах. Одновременно он вербовал шпионов для засылки в партизанские районы.

После освобождения Китая Фан Жань, с помощью Ху Фына и хуфывовцев, пропавших в партию, стал секретарем ассоциации деятелей культуры и искусства в Ханчжоу и здесь в полной мере проявил свои способности на службе врагам народа, пока не был разоблачен.

Второй соратник Ху Фына — Лу Дын. При гоминдане в китайских деревнях был введена террористическая система «круговой перуки» — «баоцзя», направленная против революционного движения в деревне. Одним из провинников этой «системы» в провинции Цанси и был Лу Дын. Позднее он стал преподавателем в центральной чанкайшистской военной школе. Там же он вступил в гоминдановскую партию, а потом, следуя примеру Фан Жана, с целью шпионажа пропал в освобожденные районы, после победы революции скрыл свое прошлое, втерся в Коммунистическую партию и захватил руководящий пост в Тяньдзинском отделе Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства.

Эти и им подобные друзья Ху Фына после освобождения Китая заняли резко отрицательную позицию по отношению к народному правительству, к Коммунистической партии.

Хуфывовцы создавали свои опорные пункты в разных городах страны, проводили полные собрания и встречи. Они собирали шпионские сведения, выкрадывали секретные документы, вербовали молодежи и неустойчивых людей. Они велели предли культурному строительству в новом Китае.

В руках хуфывовцев нет ни одного талантливого писателя, ни одного известного литературного имени. Как это примечательно — все талантливые, ярые, здоровые с революцией, с народом! А по ту сторону баррикады — все разложившееся, гниющее, антинародное.

Разоблачение контрреволюционной группы Ху Фына указывает, что классовые враги, замаскировавшиеся контрреволюции, применяя метод двуличничества, ведут ожесточенную борьбу с народно-демократическим строем. Они применяют для этого самые подлые, самые коварные методы.

Трудящиеся народного Китая создают основу социалистической индустрии. В стране широким фронтом ведутся социалистические преобразования. В этих условиях, естественно, все более обостряется классовая борьба, вражеские контрреволюционные силы все более усиливают саботаж, вредительство, диверсии, шпионаж.

«Враг», — писала недавно газета «Женьминьжао» в передовой статье, — непременно будет стараться восстановить свое контрреволюционное господство, свергнуть народно-демократический строй. Однако, если только наши кадры и народные массы будут проявлять бдительность и всегда повсюду следить за происками врага, то все эти скрытые враги могут быть обнаружены и ликвидированы. Доказательством этому является разоблачение контрреволюционной группы Ху Фына».

Савва КОЖЕВНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕКИН, август

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТКОВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЫРНОВ.

секретариат — К 4-04-62, отделы литературы и искусства — К 4-02-29, прием — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Эрик БАТЛЕР, спортивный обозреватель английского газеты «Дейли уоркер»

ЛОНДОН, 5 августа. (По телеграфу)

Футболисты „Вулвергемптон Уондерерс“

Хотя с апреля этого года футболисты команды «Вулвергемптон Уондерерс» и не участвовали в соревнованиях, тем не менее все ожидают, что в двух предстоящих матчах в Москве, 7 и 12 августа, они должны показать высокий класс игры.

Если бы исход игр решался тренировками, то в матчах против «Динамо» и «Спартака» победу обязательно одержали бы «волки» (так называют команду в Англии); перед той поездкой они тренировались так, как никогда раньше. В свою штаб-квартиру в Молино они прибыли более месяца назад. И с этого времени их ежедневные тренировки проводились при такой жаркой погоде, какую англичане считают слишкомзнойной даже для отпуска.

Но как ни важны тренировки, тот факт, что команда после окончания прошлого сезона не участвовала в соревнованиях, может оказаться для нее неблагоприятным.

В момент своего наивысшего расцвета команда «Вулвергемптон Уондерерс» представляла собой великолепную комбинацию игроков. Об этом свидетельствуют победы над венгерской командой «Гонвед» и командой «Спартак», одержанные в прошлом году. Но, к сожалению, один из героев этих побед не будет играть в Москве. Речь идет о Джонни Ханкоке, правом крайним нападающим. Многие считают его творцом побед над «Спартак» и «Гонведом». Джонни Ханкок принадлежит к числу людей, которые не выносят воздушных путешествий. Ничто не могло заставить Ханкока, страдающего всегда очень тяжелой формой морской болезни, сесть в самолет. «Волки», несомненно, будут не хватать этого игрока, обладающего очень сильным ударом.

Каковы же перспективы исход игры? Даже весьма откровенный руководитель команды Стэн Каллис и тот не стал высказываться по этому поводу. Когда его попросили сделать предсказание, он заявил: «Я не могу обещать вам, что мы выиграем, но я могу

обещать, что команда будет бороться ради поддержания престижа «Волков», ради поддержания престижа английского футбола точно так, как она это делала в матчах против «Спартака» и «Гонвед» в прошлом сезоне».

В Москву отправились семнадцать игроков. Предполагается, что команда будет выступать в следующем составе: Уильямс, Стюарт, Шортхауз, Слэйтер, Райт, Флауэр, Макдональд, Бродбет, Свинборо, Уилшоу, Коупит. За исключением Макдональда, который взят из Челленджер лиги, вместо Ханкока, состав будет тот же, что и во время прошлых матчей против «Спартака» и «Гонвед».

Вратарь Уильямс — один из самых ярких игроков команды: он вошел в прошлым сезоне славную страну в свою футбольную карьеру, играя за сборную команду Англии, из которой он выбыл три года назад. Вскоре после ухода из сборной Англии он был выведен также и из команды «Волков». Однако своим мастерством заслужил право возвращения в эту команду и, по мнению специалистов, играет теперь лучше, чем раньше.

Всем причастным к футболу, известному Билли Райту. Все время играя за команду «Вулвергемптон Уондерерс», он был и крайним нападающим, и центральным полузащитником, и защитником. Теперь он — постоянный центральный полузащитник команды «Волков» и сборной Англии. После того, как венгры дважды нанесли решительное поражение англичанам, Райт был выведен из сборной команды Англии. Теперь даже сам Райт признал бы, что его переиграл венгр Ференц Пушкаш. Но вскоре сборная Англии оказалась перед проблемой: кто будет центральным полузащитником? И эта задача была вновь поручена Билли Райту. Первая же встреча после лишения кубка мира по футболу, но шед розигранный кубок Англии. С этого времени он удерживает завоеванную позицию в сборной Англии и в его теперешней форме сможет играть на этом месте еще ряд лет. Хотя Райт и недостаточно высоко ростом, однако в борьбе за верхние мячи его трудно переиграть. За ловкость, с какой он прыгает высоко в воздух, он заслужил прозвище — «Райт — пружинистая пятка».

Нельзя сказать, однако, что судьба команды зависит только от этих двух игроков. Деннис Уилшоу — один из наиболее выдающихся полузащитников нападающих Англии. Он очень быстр и умеет начинать и вести розыгрыш кубка Англии. Кроме того, он не любит ходить с поля, не поспев в ворота противника мяч.

Билл Слэйтер — еще один английский футболист международного класса. Раньше он играл за команду «Блекпул», но только перебрался в «Волков», обрел нынешнюю первоклассную спортивную форму. Долго это полузащитник оставался любителем и сделался профессионалом лишь после того, как перешел в команду «Волков». Одно время он играл в качестве полузащитника нападающего, и, возможно, этим объясняется его умение проводить мяч сквозь защиту противника и бить по воротам.

Два защитника — Стюарт и Шортхауз — содействуют хорошей линии обороны. Стюарт выхвачен из Южной Африки, долго был центральным полузащитником, но после полученного повреждения уступил это место Райту и стал левым защитником.

Центра нападения Роя Свинборо вряд ли можно считать лучшим игроком команды, но его самоотверженная игра позволяет ему увеличивать счет, используя шансы, которые, казалось бы, на первый взгляд, не могли ничего принести. Как Флауэр, так и Бродбета относят к молодым игрокам, которым предстоит блестящая карьера. Флауэр уже играл за сборную Англии, Бродбету же пока достались почти, так сказать, второго разряда.

Что скажут о команде в целом? Если у нее есть какие-либо слабости, то к ним можно отнести игру крайних нападающих, ни один из которых пока еще не проявил себя никак замечательным (не забывает, что Ханкока в ее составе на этот раз нет!), кроме того, опрочемятую наступательную тактику правого и левого полузащитников и некоторую медлительность Шортхауза.

В Англии с интересом ждут результатов московских матчей.

Эрик БАТЛЕР, спортивный обозреватель английского газеты «Дейли уоркер»

ЛОНДОН, 5 августа. (По телеграфу)